

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ (историографические аспекты)¹

В. В. Илюшина

Рассматривается проблема изучения социальной структуры древних обществ с точки зрения их дуальной организации в этнографической литературе на примере коренных народов Западной Сибири. Затрагивается вопрос о методике реконструкций социоструктур по археологическим материалам.

Проблемы реконструкции социальной организации древних обществ Западной Сибири, методики исследования общественных структур по археологическим данным относятся к числу наиболее сложных и актуальных. В процессе реконструкций древних обществ исследователи довольно редко обращаются к интерпретации археологического материала с точки зрения таких социальных образований, как экзогамия, род, фратрия. Большинство археологов подходят к изучению материалов через призму теории миграции, взаимодействия культур, аккультурации, ассимиляции и т. д., практически не затрагивая вопросы, связанные с социальной структурой древних коллективов. Вместе с тем, по нашему мнению, случаи синхронности, сосуществования, взаимовлияния культур могут и должны исследоваться с учетом этих социальных явлений.

Начало изучения социальной организации первобытного общества относится ко второй половине XIX в., когда в Европе складывается первая научная этнографическая школа — эволюционизм. Особое внимание практически во всех трудах эволюционистов уделялось организации первобытного общества, системам родства, семье и формам брака, возникновению экзогамии, а вместе с ней родовой и фратриальной организации. Данные вопросы затрагивали Э. Вестермарк, Ю. Липперт, К. Старке, но особенно следует выделить исследовательскую деятельность Л. Г. Моргана. Морган первым поставил и на примере ирокезов детально изучил вопрос о родовой и фратриальной организации первобытных обществ. Им был сделан вывод, что первичной клеткой всего первобытного общества является именно род, основные признаки которого — выборность родовой власти, экзогамия, взаимное право наследования, взаимопомощь и т. д. [Морган, 1934]. В дальнейшем итоги этих исследований послужили основой для разработки понятия дуальной организации как определяющего социокультурного явления в традиционных обществах (Л. Файсон и А. Хауитт).

Э. Б. Тайлор продолжил изучение вопросов рода, экзогамии, дуальной организации, классификации систем родства. Опираясь на работы Л. Г. Моргана и Л. Файсона, он пришел к выводу, что дуально-родовая организация возникла в результате соединения двух ранее совершенно самостоятельных человеческих групп [Тайлор, 1890].

Позднее Б. Малиновский, основатель функционалистского направления в этнографии, выступил против сложившихся в науке мнений, что дуальное деление общества было следствием расщепления первобытного племени на две экзогамные половины в матримониальных целях и что это результат слияния двух прежде независимых племен, тоже в целях развития брачных связей. Он предложил рассматривать дуальное деление как проявление не столько организации брачных связей, сколько неосознаваемой людьми обязательной симметрии структуры общества (по: [Токарев, 1978]).

К. Леви-Строс, рассматривавший этнографические данные с позиции структуралистской концепции, ввел понятия диаметальной и концентрической структур дуальной организации [2001. С. 140]. Первая отражает равновесие между социальными группами, вторая — всегда их неравноправие [Там же. С. 140–145]. Дуальную организацию он представлял не только как систему брачных связей в обществе, но и как неосознаваемую ментальную структуру, определяющую деятельность каждого отдельного человека и целых обществ, что фиксируется, например, в планировке поселений.

В отечественной этнографии вопросы социальной организации племен разных континентов довольно детально изложены в монографии В. Р. Кабо [1986], а также в трудах Ю. И. Семенова,

¹ Работа выполнена при поддержке программы Президиума СО РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

исследовавшего происхождение и динамику брака и семьи в человеческом обществе (например: [1974]).

Вопросы, связанные с рассматриваемым аспектом социальной организации у народов Сибири, изучались на протяжении всего XX века. По данным этнографических изысканий на территории Западной и Восточной Сибири дуальная организация как таковая была присуща по сути всем традиционным обществам. Проблема ее структуризации (выявления основных вариантов) исследовалась прежде всего с точки зрения экзогамии, присущей таким основным социальным единицам общества, как род и фратрия.

Например, в работе Е. А. Крейновича приводятся следующие основные характеристики социальной организации нивхов [1973. С. 256–287]:

1. Деление нивхского общества на роды.
2. Строгая экзогамия в роде.
3. Трехсторонняя родовая связь: «Род тестя → Мой род → Род зятя».
4. Своеобразное воспитание полов, регулирующее отношения между ними.

Подобные характеристики относятся и к общественной структуре бурят [Вяткина, 1969. С. 40–54]:

1. Деление на роды.
2. Строгая экзогамия — брак не мог заключаться внутри рода, а также с родами общими по происхождению: в отношении к данному роду все остальные роды распадались на две группы — халу или халун (теплые, свои) и хари (чужие). С халу браки не могли быть заключены.
3. Существование богов у каждого отдельного рода.
4. Существование имен предков — Бурядай и Хорядай, которые, по всей видимости, являются именами двух первоначальных фратрий бурятского племени.

Деление на роды отмечается практически у всех автохтонных народов Западной и Восточной Сибири.

Кроме деления на определенное количество родов довольно часто встречается фратриальное деление, где каждая фратрия была отдельным родом. Так, согласно С. М. Абрамзону, двухфратриальная структура обнаруживается у киргизов, туркмен, каракалпаков, казахов, монголов и других народов. Деление на две фратрии было первичной формой экзогамии [Абрамзон, 1971].

Деление на фратрии и роды еще до начала XX в. четко прослеживалось у обских угров (ханты и манси), что подробно исследовалось Б. О. Долгих [1964], Н. В. Лукиной [1985], Е. П. Мартыновой [1998], Е. В. Переваловой [1991] и др.

В. Н. Чернецов говорил, что «все племена обских угров, как манси, так и ханты, делились на две фратрии, состоявшие каждая из нескольких родов» [1939. С. 20]. Ученый выделял следующие признаки фратрии:

1. Сознание кровного родства. Члены фратрии сознавали себя кровными родственниками, происходящими от общих предков [Там же. С. 20].
2. Экзогамия. Запрет браков внутри фратрии [Там же. С. 28].
3. Единство тотемов. Каждая фратрия считала своим предком определенное животное [Там же. С. 29].
4. Наличие двух фратриальных центров тотемического культа [Там же. С. 37].
5. Соблюдение тайны обрядов и священных сказаний в отношении к представителям другой фратрии [Там же. С. 38].

А. М. Золотарев показал, что противопоставление членов обеих фратрий друг другу, представления о разных характерах и ином происхождении, подчеркивание их противоположных качеств и даже подшучивание друг над другом — одна из характерных черт дуального деления [1964. С. 228–229].

Наиболее обстоятельно проблема фратрии, рода и соответственно дуальной организации рассмотрена З. П. Соколовой. Ею была выявлена дуальная экзогамия как главный признак дуальной организации у всех групп обских угров [Соколова, 1983. С. 106]. Вслед за В. Н. Чернецовым исследователь указала основные черты обско-угорской фратрии — наличие фратриального имени (Пор и Мось), сознание членами фратрии кровного родства и происхождения от общего предка, единство тотемов, наличие фратриальных центров и обособленных фратриальных селений, общий религиозный культ, общие периодические празднества, соблюдение тайны обрядов и священных сказаний, дуализм [Там же].

Вопрос о существовании родов у обских угров дискусионен. З. П. Соколова говорит о генеалогических группах у ханты и манси, отличая данную социальную ячейку от рода. Рассмотрев все

Проблема реконструкции социальной организации древних обществ (историографические аспекты)

признаки обско-угорского рода, автор пришла к выводу, что ему присущи нечеткость и аморфность. «У ханты и манси... при четком делении их на фратрии не прослеживаются родовые деления» [Соколова, 1983. С. 158]. Дальнейшая разработка проблемы рода у обских угров показала, что генеалогическая группа — «это распадающийся род, превращающийся в территориально-соседскую общину» [Там же. С. 102]. Генеалогическая группа сохраняет признаки как рода, так и общины.

Социальную организацию ненцев изучали А. А. Дунин-Горкавич [Исследователь Севера..., 1995], М. М. Броднев [1959], Б. О. Долгих [1970], Ю. Б. Симченко [1974], Л. В. Хомич [1966] и др. В работах Ю. Н. Квашнина достаточно подробно описана история возникновения всех сохранившихся к настоящему времени родов. Кроме родового деления у ненцев существует деление на две фратрии: Харючи и Вануйто. Таким образом, у ненцев присутствует как родовая экзогамия, так и фратриальная [Квашнин, 2003. С. 113–145].

Изучение социальной структуры у коренных народов Западной Сибири ставит вопрос о времени и месте ее зарождения и отсылает нас к истории древних обществ данной территории. Соответственно возникает проблема реконструкции их социальной организации по доступным источникам.

В последние десятилетия ученые все чаще обращаются к реконструкции социальной организации археологических культур. Это связано с тем, что многие процессы, которые так или иначе отражаются в ископаемом материале (в основном керамике), невозможно объяснить лишь миграциями древнего населения. Делаются попытки интерпретации материала с позиций отражения им «социальных явлений». Синкретичные керамические комплексы, особенности планировки поселений, погребального обряда и т. д. дают основания для предположений об определенной социальной структуре коллективов — носителей культур.

Так, Т. Н. Троицкая поставила вопрос об экзогамности коллективов, оставивших завьяловские укрепленные поселения переходного от бронзы к железу времени и кулайские комплексы раннего железного века в Новосибирском Приобье [1985]. По мнению исследователя, экзогамность как у завьяловского, так и у кулайского населения проявилась прежде всего в двухкомпонентности керамических комплексов.

В. Т. Ковалева, рассматривая ташковскую культуру (эпоха бронзы, начало II тыс. до н. э.), также говорит об экзогамности ее носителей. Ученым были полностью исследованы поселения Ташково 2 и ЮАО 13. Социальная организация населения ташковской культуры реконструирована на примере Ташково 2. Поселение имело форму круга с расположенными по периметру 11 жилищами и одним жилищем в центре. В. Т. Ковалева условно разделяет поселение «на две половины: правую, восточную, включающую 5 домов (нечет), и левую, западную — 6 домов (чет)», что, по мнению исследователя, связано с семиотическими оппозициями мужской — женский, левый — правый, север — юг и т. д. Такое деление, по данным В. Т. Ковалевой и О. В. Рыжковой, подтверждается планиграфическим распределением керамики [Ковалева, 1997. С. 17]. Центральное жилище автор интерпретирует как культовую постройку или мужской дом.

Опираясь на этнографические материалы, В. Т. Ковалева соотносит концентрическую структуру поселения с социальной организацией носителей ташковской культуры, которая в данном случае характеризовалась дуальной экзогамией. Проведенный ученым анализ комплекса находок на поселении показал, что дуальные половины асимметричны и иерархичны: в восточной половине поселения гораздо больше сосудов с символической орнаментацией, там же найдены наконечники стрел, которые, по мнению исследователя, связаны с неким культом.

Для социальной реконструкции поселения по керамическому материалу О. В. Рыжковой был использован метод связей, благодаря которому установлены предпочтительные связи между определенными жилищами [1993. С. 170–180].

В. А. Борзунов в отношении гамаюнской культуры (конец II — начало I тыс. до н. э.) также отмечает наличие экзогамии. При этом «вероятным следствием фратриальной организации гамаюнских племен является четкое разграничение двух основных типов гамаюнской керамики (ямочно-крестовый и ямочно-волнистый), сложившихся в результате взаимодействия двух групп пришлого населения» [Борзунов, 1992. С. 143].

В отношении еловской культуры (конец II — начало I тыс. до н. э.) В. И. Матющенко была высказана мысль о существовании патриархального родового устройства ее общественной структуры. Данный вывод был сделан на основании расчетов площади жилищ на поселениях, в каждом из которых могло проживать от 30 до 60 чел.; наличия одного очага в доме, что также свидетельствует о единстве занимающего жилище домового хозяйства. Предположение о делении на роды в еловском обществе подтверждает и один из могильников, в планиграфии ко-

того прослеживается деление на несколько отдельных групп, что может говорить о родовых захоронениях населения [Матющенко, 1974. С. 108–111]. Конечно, как отмечает сам автор, наличие большой семьи не обязательно должно говорить о патриархальности — она может быть и материнской. Однако В. И. Матющенко склонен считать большую семью еловского общества именно патриархальной в связи с уровнем общественного развития племен юга Сибири и Казахстана, в том числе предшественников еловско-ирменского населения, и хозяйственными занятиями еловцев (а именно скотоводством) [Там же. С. 112].

В. А. Зах и О. Ю. Зимина предполагают существование дуальной организации у носителей иткульской культуры переходного от бронзы к железу времени, сложившейся в результате взаимодействия бархатовской и гамаюнской культур. Существование такой социальной организации аргументируется керамическим материалом, сочетающим признаки и гамаюнской и бархатовской культур, а также синхронным сосуществованием двух смыкающихся или находящихся в 100–200 м друг от друга площадок городищ. По мнению исследователей, это может говорить о том, что население ввиду своей экзогамности объединялось в два «клана», «с существованием обособленной собственности» у каждого из них [Зах, Зимина, 2005. С. 112–119].

Таким образом, обращение археологов к проблеме реконструкции социальной организации древних обществ с необходимостью ставит вопрос о выработке методов для ее исследования.

Проблема метода исследования социокультурных систем прошлого начала разрабатываться в 60-е гг. XX в. за рубежом в так называемой процессуальной археологии. Л. Бинфорд с использованием системного подхода, разработанного культурантропологом Л. Уайтом, попытался обосновать идею о возможности реконструкции всех сторон жизни первобытных культур на основе материальных остатков. По мнению Л. Бинфорда, «неполноту» археологического источника возможно преодолеть с помощью гипотетико-дедуктивного метода (по: [Плахин, 1993.]). Согласно ему, «данные, значимые для большинства, если не для всех компонентов прошлой социокультурной системы, сохранены в археологическом источнике» (цит. по: [Плахин, 1993. С. 8]). Данной проблемой занимались также У. Тайлор (разрабатывающий «взаимосвязанный подход» в процессе реконструкции социального организма прошлого), Г. Вилли, Ф. Филипс, К. Флэннери и др.

В отечественной археологии появляются работы, в которых предпринимаются попытки разработки и применения методов исследования социальной организации древних коллективов и вместе с тем указывается на недостаточность соответствующей методологической базы.

Основой методики В. С. Бузина служит сопоставление первобытного поселения как структуры, состоящей из различных элементов-объектов, с теми социальными категориями, которые находят в них отражение. Суть метода сводится к тому, что по аналогии с этнографическими данными поселение идентифицируется с общиной, жилище выступает аналогом либо целой общины (если оно одно), либо ее социальной ячейки (если их несколько), обычно большой или малой семьи. Согласно автору, очаг также может быть соотнесен с той или иной социальной ячейкой. При реконструкции типа общины и поселенческих культур необходимо учитывать и хозяйственно-культурный тип исследуемого населения [Бузин, 1990. С. 37–39].

Е. А. Васильев на примере культур неолитической эпохи рассматривает две распространенные в то время социальные системы — общину и племя [1990. С. 40–41].

В. Т. Ковалева верно отмечает, что, несмотря на многочисленные раскопки поселений, для подобных реконструкций материала недостаточно, так как исследование социальных структур возможно только при целиком раскопанном памятнике [1993]. И даже одного такого памятника может быть недостаточно. Вместе с тем следует полнее использовать известные методы изучения археологического материала. Так, в отношении комплексов, подобных Ташково 2, интересные результаты может дать анализ орнаментации сосудов каждого отдельно взятого жилища и их совокупности.

В. А. Шнирельман для исследования социального контекста гончарного производства использует этноархеологический подход, основываясь на разработках П. Н. Третьякова, еще в 30-е гг. XX в. изучавшего соотношение социальной реальности и материальных остатков прошлого [Шнирельман, 1993]. В. А. Шнирельман обращается к обществам Африки, Азии и Америки, находящимся на той или иной стадии разложения первобытно-общинных отношений, с довольно архаичным гончарством, которым занимались в основном женщины. Он исследует, как передаются навыки гончарного мастерства, обладает ли родовое общество керамическим стилем, локализуется ли данный стиль в условиях матрилинейности в пространстве в соответствии с расселением родовых групп (в условиях патрилинейности локальные варианты отсутст-

Проблема реконструкции социальной организации древних обществ (историографические аспекты)

вуют) [Шнирельман, 1993. С. 19–38]. По данным, приведенным ученым, девушки обучались гончарству не только у своих матерей, но и у свойственниц и иногда у женщин, с которыми они не состоят в родстве. При матрилокальности социальный контекст оставался неизменным в силу того, что девушки обучались еще до замужества в условиях своей родовой общины. При патрилокальности девушки могли обучаться уже после замужества, и здесь соответственно большую роль в обучении играли родственницы мужа, о переносе традиций своей родственной группы не может быть и речи [Шнирельман, 1993, 2002]. Исследователь показывает все возможные вариации как норм брачного поселения, так и традиций обучения девушек.

Методика исследования, разрабатываемая В. А. Шнирельманом, без сомнения, может быть использована (с учетом специфики материала) при реконструкциях социальной организации древних обществ Западной Сибири.

Говоря о методических подходах к проблеме реконструкции социальной организации древних обществ, нельзя обойти вопрос этнической идентификации археологических культур. Убедительная этническая атрибуция их безусловно важна, так как при изучении социальных структур древних обществ отталкиваться мы можем только от уже известных примеров подобных структур. Многие культуры эпохи бронзы, железного века, средневековья с привлечением данных антропологии, этнографии, методов естественных наук могут быть довольно четко соотнесены с той или иной этнолингвистической группой. Так, по мнению Г. Б. Здановича, синташтинская культура (эпоха бронзы) по многим признакам связывается с носителями индоиранского происхождения [1995. С. 41]. Богатый антропологический материал, а также результаты анализов ДНК останков носителей пазырыкской культуры (эпоха железа) позволили ученым выдвинуть предположение о генетической связи пазырыкцев с современными этнолингвистическими группами: казахами, киргизами, хакасами, южными алтайцами и эвенками [Чижишева, 2000. С. 35–49]. По отношению к наиболее изученной на территории Зауралья саргатской культуре (ранний железный век) исследователи обоснованно предполагают полиэтничность ее населения (иранские, угорские, самодийские и другие компоненты) [Багашев, 2000; Матвеева, 2000 и др.; Цембалюк, 2004].

Наряду с этнографическими, антропологическими и собственно археологическими данными в процессе этнической идентификации древних обществ Зауралья целесообразно применять лингвистические исследования относительно групп аборигенного населения этой территории. Например, В. В. Напольских, изучая историю уральских народов, с той или иной долей вероятности связывает начало этногенеза местных угорских народов (ханты и манси) с генезисом андронидных (черкаскульско-межовской, сузгунской и др.) археологических культур юго-запада Западной Сибири и Южного Зауралья [1997. С. 61]. Позднюю прародину самодийцев (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы) автор связывает с существованием и развитием кулайской культуры железного века [Там же. С. 83].

Таким образом, очевидна необходимость развития методологической и методической базы для исследования социальной организации коллективов — носителей той или иной археологической культуры. Эффективность таких исследований возможна лишь при комплексном использовании методического инструментария разных наук, о чем говорят успешные результаты изучения некоторых культур, и более детальном анализе собственно археологического материала (керамики, планиграфии памятника и т. д.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамзон С. М. Киргизы и их этнографические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 404 с.
- Багашев А. Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железного века. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 188 с.
- Броднев М. М. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев // СЭ. 1959. № 6.
- Бузин В. С. К методике реконструкции социальных отношений древних обществ по материалам первобытных поселений и жилищ // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: Тез. докл. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 37–39.
- Васильев Е. А. Проблемы реконструкции социальных отношений древних обществ таежной полосы Западной Сибири (неолитическая эпоха) // Там же. С. 40–41.
- Долгих Б. О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири: Доклад на VII Международ. конгр. антропол. и этногр. наук. М., 1964. 10 с.
- Долгих Б. О. Очерки об этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 270 с.

В. В. Илюшина

- Вяткина К. В.* Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, 1969. 220 с.
- Зах В. А., Зимина О. Ю.* О дуальной организации древних обществ Западной Сибири (по археологическим материалам) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: НГПУ, 2005. Т. 1. С. 112–119.
- Зданович Г. Б.* Аркаим: Арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Исследователь Севера А. Дунин-Горкавич / Сост. Загороднюк Н. И. М., 1995.*
- Кабо В. Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.
- Квашнин Ю. Н.* Гыданские ненцы: История формирования современной родовой структуры (XVIII–XX вв.). Тюмень; М., 2003. 186 с.
- Ковалева В. Т.* О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит — начало бронзового века) // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. С. 5–23.
- Ковалева В. Т.* Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково 2. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. 132 с.
- Крейнович Е. А.* Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973. 496 с.
- Кузнецов О. В.* Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории // <http://www.archeologia.ru/Library/Book>
- Леву-Строс К.* Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Лукина Н. В.* Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во ТГУ, 1985. 384 с.
- Мартынова Е. П.* Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. 236 с.
- Матвеева Н. П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 12. 196 с.
- Морган Л. Г.* Первобытное общество. СПб., 1934.
- Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 268 с.
- Перевалова Е. В.* Брачно-родственные отношения северных хантов // Экспериментальная археология. Тобольск, 1991. Вып. 1. С. 124–125.
- Плахин В. Т.* О возможностях социокультурных реконструкций по данным археологии (к проблеме метода) // Культура народов Евразийских степей в древности: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. С. 3–23.
- Рыжкова О. В.* Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково 2) // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 170–180.
- Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. 310 с.
- Симченко Ю. Б.* Терминология родства ненцев, энцев, нганасан и юкагиров // Социальная организация и культура народов Севера: Посвящается памяти Б. О. Долгих. М.: Наука, 1974. С. 270–291.
- Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. С. 326.
- Тайлор Э. Б.* О методе исследования учреждений в применении к законам о браке и происхождении // ЭО. М., 1890. № 2.
- Токарев С. А.* История зарубежной этнографии: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1978. С. 352.
- Троицкая Т. Н.* Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 54–69.
- Хомич Л. В.* Ненцы. М.; Л.: Наука, 1966. 329 с.
- Цембалюк С. И.* К вопросу об этнической интерпретации саргатской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. Вып. 5. С. 99–102.
- Чернецов В. Н.* Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. № 2. С. 20–42.
- Чикишева Т. А.* Антропология носителей пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 35–49.
- Шнирельман В. А.* Археологическая культура и социальная реальность: (Проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург: УрО РАН, 1993. 40 с. (Препр.).
- Шнирельман В. А.* Археологическая культура и социальная реальность: (Проблема интерпретации керамических ареалов) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 19–38.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article considers studying a social structure of ancient societies from viewpoint of their dual organization in ethnographic literature, illustrating with West Siberian indigeneous peoples. The author touches upon methods of reconstruction of sociostructures basing on archaeological data.